

Анна Возняк
Люблин

СИНЯВСКИЙ-ТЕРЦ,
СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО,
ИЛИ РОДОСЛОВНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНТА

Моральный кодекс русской интеллигенции формируется с новой силой на рубеже 50-х и 60-х годов XX века. Тогда русская интеллигенция пытается вернуться в традиционное русло идейных поисков и универсальных этических ценностей, ссылаясь, в частности, на самые лучшие образцы интеллигентских идеалов русской культуры XIX и начала XX века. После XX Съезда КПСС в феврале 1956 г. и секретного доклада Никиты Хрущева, прочитанного на съезде, осудившего сталинский тоталитаризм, началось «оттепельное время», а в советскую культуру и литературу вошло новое поколение. Среди идейных стремлений этого оттепельного периода преобладает такой критерий, как создание новыми людьми культуры «социализма с человеческим лицом» (этот лозунг станет известен также и в других социалистических странах). Конечно, в этом процессе перерождения и обновления культуры, охватившем всю страну и общество, главенствующая роль, безусловно, принадлежит интеллигентам.

«Оттепель», как правило, отождествлялась с «глотком свободы», который особенно ощущался в то время и иллюстрировался такими литературными фактами, как ослабление цензуры, учреждение новых литературных журналов и проч., т.е. в целом большей открытостью культуры новым веяниям¹. Этого процесса «освобождения» нельзя было уже остановить². Однако далеко не все проходило благополучно.

¹ Например, альманах «Литературная Москва» (1956–1957), инициаторами которой были Казакевич, Паустовский, Каверин, сборник «Тарусские страницы» 1961, при активном участии Константина Паустовского, открытие новых книжных издательств.

² «Оттепель», может быть, надо сравнивать с общей ситуацией европейского движения 60-х гг., молодежным бунтом поколения, в результате которого произошли существенные перемены общественного сознания в культуре Европы того времени.

Как известно, некоторые журналы все-таки, «подвергались жестокому разному»³, громко прозвучало «дело» Бориса Пастернака (1958), проходили судебные процессы Иосифа Бродского (1964), Андрея Синявского (Абрама Терца) и Юлия Даниэля (Николая Аржака) (1966). Можно сказать, что все эти новые явления и симптомы культурного подъема находились в этот период между одобрением и запретом. Стоит подчеркнуть, что, несмотря на некоторые поражения, важным достижением 60-х годов был переход от единогласия (единомыслия) к многогласию (инакомыслию), что отчетливо показали названные литературные процессы, прежде всего Синявского и Даниэля, когда звучал не единый общий голос одобрения линии партии, а разные голоса писателей и деятелей культуры, высказывавших свои индивидуальные мнения.

В таком понимании «оттепели», ассоциирующейся в основном с понятием «социализма с человеческим лицом», скрываются, по-видимому, общие ценности, объединившие людей нового поколения и отражающие своеобразный оптимистический дух времени, а главное, этическую направленность литературного процесса. Каковы эти ценности, поясняет в некоторой степени пример интеллигента Синявского-Терца. Правда, возникает вопрос: был ли Синявский-Терц шестидесятником? Этот вопрос появляется не случайно, потому что о Синявском в плане его принадлежности к поколению шестидесятников в критической литературе говорится редко или вовсе не упоминается. Если учитывать границы возраста, — возраст людей поколения шестидесятников датируется периодом рождения с 1918 по 1935 (об этом писал Станислав Рассадин, который дал своей статьей 1960 года название этому явлению), — то Синявский (1925–1997), несомненно, уместается в рамки поколения. Если же принимать во внимание другие черты явления шестидесятничества, которые, кстати, трудно определить однозначно, то с Синявским дело обстоит сложнее. Синявский — по своей натуре человек инакомыслящий, может быть, именно по этой причине он связан с оттепельным временем по-иному, чем другие, не типично. Однако есть один неоспоримый признак, который вписывает Терца в парадигму шестидесятничества, — это его диссидентство, акт сопротивления

Надо ее видеть на фоне других явлений и политических перемен, процесса общественного и культурного развития, который начинается в Европе после смерти тирана, Иосифа Сталина в 1953 г., связывать с такими событиями оппозиционного движения, как венгерское восстание, польские события в Познани 1956 г., вплоть до подавления «пражской весны» в августе 1968 года.

³ Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий: *Современная русская литература. Новый учебник по литературе в 3-х книгах*. Кн. 1: *Литература «оттепели» (1953–1968)*. Москва: Эдиториал УРСС 2001, с. 62.

недемократическому режиму, противостояние тоталитарной системе в буквальном и метафорическом смыслах. В буквальном смысле это выразилось в акте бунта, за что он и был осужден вместе с Юлием Даниэлем, в метафорическом — это выразилось в диссидентстве, означавшем для Синявского и в идейном, и эстетическом контекстах инакомыслие, т.е. свободное мышление.

Диссидентство, в субъективном восприятии писателя — это бунт против всяких норм и догм, которые угнетают художника, писателя. Для Синявского диссидентство становится чем-то вроде идейного, а также стилистического сопротивления.

В диссидентстве на первый план выдвигается не политический аспект, но интеллектуальные и нравственные задачи. Переоценка ценностей начинается диссидентство [...] это процесс самостоятельного и бесстрашного думания

— утверждал автор в очерке *Диссидентство как личный опыт* (1989)⁴.

Синявский-Терц — сын левого эсера Доната Синявского («ушел в революцию еще в 1909 г.»), пострадавшего от режима, — воспитывался, как писал в указанном очерке: «в лучших традициях русской революции, точнее сказать, в традициях революционного идеализма»⁵. Во многом, таким образом, биография Синявского сходится с жизнью других шестидесятников. По мнению Терца, который считал себя первоначально «истовым коммунистом», советские диссиденты в своем прошлом — это чаще всего «очень идейные советские люди. В целом, это порождение самого советского общества послесталинской поры. А не какие-то чужеродные в этом обществе элементы [...]»⁶. У Синявского был военный опыт, как, впрочем, у многих шестидесятников, хотя краткий, ибо он всего лишь в 1945 г. был радиомехаником на военном аэродроме. И в том же году он начал учебу в Московском университете на филологическом факультете, был участником семинара профессора Виктора Дувакина, который, кстати, защищая Синявского, пострадал после процесса, так как его «отстранили от преподавания, разрешив ему в виде милости заняться незаметной библиотечной работой»⁷.

Синявский получил степень кандидата наук, защитив в 1952 г. кандидатскую работу о *Жизни Климма Самгина* Максима Горького (она

⁴ А. Терц: *Диссидентство как личный опыт*. В кн.: А. Терц: *Путешествие на черную речку и другие произведения*. Москва: Захаров 1999, с. 403.

⁵ Там же..., с. 401.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: Г. А. Белая: «Да будет ведомо всем...». В кн.: *Цена метафоры, или преступление Синявского и Даниэля*. Сост. Е. М. Великанова. Ред. Л. С. Еремина. Москва: Книга 1989, с. 11.

не была опубликована). Он преподавал в Московском университете, в школе-студии МХАТ, затем работал в ИМЛИ вплоть до ареста в 1965 г. В качестве научного сотрудника он занимался изучением в основном советской литературы 20-х годов и литературой военного периода. В 1957–1958 годах Синявский вел семинар по русской литературе на филологическом факультете МГУ. Многие участники этого семинара, например, критик Людмила Сергеева, вспоминали эти занятия с восхищением: «Это было чудом — так интересно, глубоко, без штампов еще никто на филфаке не говорил о литературе XX века вообще и о поэзии в частности»⁸. Интеллектуальная атмосфера свободы, необыкновенный энтузиазм, новое независимое мышление отличали лекции и занятия Синявского, интересного и ценимого тогда преподавателя, вокруг которого собирались студенты МГУ. Такую весьма важную воспитательно-педагогическую роль выполнял он в СССР, занимаясь преподавательской и писательской деятельностью. На Западе же в Сорбонне, где диссидент профессор Синявский читал лекции французским студентам, уже не своим согражданам, его преподавание и важные темы лекций, которые стали впоследствии самостоятельными книгами, принимало уже совершенно другой характер. Он, по-видимому, стал одним из многих русских преподавателей-эмигрантов.

Необходимо подчеркнуть, что Синявский в середине 1960-х годов действовал в рамках официальной советской системы: он был известным литературоведом, популярным преподавателем, членом Союза писателей, литературным критиком, «талантливейшим из молодых советских литературоведов и критиков», как писал о нем Георгий Гачев⁹. Его активное сотрудничество с журналом «Вопросы литературы» и главным образом с «Новым миром» начинается в начале 1950-х годов. Главный редактор журнала «Новый мир» Александр Твардовский назвал Синявского в числе самых ярких перспективных современных критиков («Новый мир» 1965, № 1)¹⁰. В ранних статьях — новоиерусалимских и других — Синявский-критик (статьи *Основные принципы эстетики В.В. Маяковского*, *День русской поэзии* в соавторстве с Александром Меньшутиним — «Новый мир» 1959, № 2, тексты на тему поэзии

⁸ См. Т. Ратькина: «Никому не задолжав...». *Литературная критика и эссеистика А.Д. Синявского*. Москва: Совпадение 2010, с. 26.

⁹ Г. Гачев: *Эстет-подпольщик*. В кн.: А. Синявский-А. Терц: *Литературный процесс в России. Литературно-критические работы разных лет*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет 2003, с. 8. Александр Жолковский упоминал: «В освобождении — моем и целого поколения литературоведов [...] Синявский сыграл важную роль». См. А. Жолковский: *Вспоминая Синявского*. «Синтаксис» 1998, № 36, с. 23.

¹⁰ Т. Ратькина: «Никому не задолжав...», с. 26.

Роберта Фроста, Ольги Бергольц, Анны Ахматовой) писал, хотя еще в рамках официального стандартного стиля, но уже с характерными позднейшими чертами инакомыслия, т.е. пытаюсь выйти за пределы доминирующего соцреализма. Как показала в своей работе Татьяна Ратькина, среда «Нового мира» играла немаловажную роль в формировании Синявского — будущего писателя. Ратькина отмечала:

Критика [«Нового мира» — А.В.] считала своими основными задачами «воспитание читателей в демократическом духе» и борьбу с официальной идеологией (ее же эстетическими средствами). Новомирской критике присуще активное пропагандистское начало, она насквозь пропитана пафосом преобразования, реального воздействия на жизнь. «Действенность» и «правдивость» были для новомирских публицистов главными критериями значимости художественного текста¹¹.

Для Синявского же как критика и прозаика были важны иные принципы в искусстве. Став с самого начала своего творческого пути другой личностью, Абрамом Терцем, он отбрасил принцип подражания жизни. Поэтому он был в вотчине Твардовского — как сам говорил — «человеком сторонним»¹² и на самом деле выходил за рамки новомирского круга, следуя своей основной идее диссидентского поведения во имя чистого и независимого искусства.

С другой стороны, в то же самое время, уже в первой половине 1950-х гг., этот популярный литературный критик, ценимый Твардовским, занимается подпольным писательством под псевдонимом Абрам Терц, храня свои манускрипты. Безусловно, он представлял собой тип писателя «с подпольем» (так писал Борис Зайцев о Гоголе)¹³, обладая одновременно синдромом доктора Джекила и мистера Хайда из романа Роберта Стивенсона, которого читал, т.е. как будто находился в дневной и ночной стороне своей писательской ипостаси¹⁴. В очерке *Диссидентство как личный опыт* Синявский обнаружил суть своего писания, называя главным стимулом искусства и литературы вовсе не политическое бунтарство, но эстетические намерения, поясняя:

Я выбрал искусство и отверг политику. А вместе с тем стал присматриваться вообще к природе советского государства — в свете произведенных им опус-

¹¹ Там же, с. 47–48.

¹² Там же, с. 47.

¹³ Б. Зайцев: *Жизнь с Гоголем*. В кн. Б. Зайцев: *Собрание сочинений*. Т. 9 (доп.). *Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии*. Москва: Русская книга 2000, с. 139.

¹⁴ А. Терц: *Голос из хора*. В кн.: А. Терц. *Собрание сочинений в двух томах*. Т. 1. Москва: Старт 1992, с. 574.

тошений в жизни и в культуре. В результате смерть Сталина я уже встретил с восторгом... И потому, начав писать «что-то свое, художественное», заранее понимал, что этому нет и не может быть места в советской литературе. [...] Пересылка же произведений на Запад служила наилучшим способом «сохранить текст», а не являлась политической акцией или формой протеста¹⁵.

Писатель считал, что:

Литература неподсудна и не является политической агитацией и пропагандой, как это утверждает советское правительство [...]. Таким образом мне и моему другу Юлию Даниэлю удалось остаться на позиции «непризнания себя виновными», вопреки давлению суда и органов госбезопасности¹⁶.

Несмотря на свои пояснения, Синявский *nolens volens* больно столкнулся с политикой и Историей. Неоспоримый в то время бунт писателя против системы и ее неограниченной власти, которая убивает искусство, нежелание дышать «ворованным воздухом» приняли, таким образом, иные, чем у других официальных писателей, формы: сохранения текста, сохранения написанных без разрешения произведений¹⁷. Формирование и идейное созревание Синявского определяли некоторые факторы, как личного, так и исторического времени. В его жизни ученого и в то же время писателя такие внешние факты, как арест отца в 1951 г., смерть Сталина в 1953 г., о которой писал также в романе *Спокойной ночи* (1982), а затем доклад Хрущева, десталинизация и осуждение культа личности, привели к окончательной идейной и духовной метаморфозе, к истинному перерождению. Синявский-Терц был тщательным наблюдателем советской эпохи уже давно, осознавал не только эти общеизвестные факты великого исторического масштаба, но знал и упоминал о менее известных событиях этого бурного времени. Например, в повести *Суд идет* (1956 г.) автор писал об оппозиции учеников и студентов в конце 50-х и начале 60-х годов (по некоторым данным таких молодежных групп разных ориентаций от народнических до фашистских было около 400). Герой произведения *Суд идет*, Сережа, молодой комсомолец, после суда за такую нелегальную деятельность очутился в лагере.

Парадокс истории привел к тому, что Синявский, благодаря своему первому облику смиреннейшего кабинетного ученого и отнюдь не авантюриста, и второй личности — одесского бандита, еврея Терца, стал

¹⁵ А. Терц: *Диссидентство как личный опыт...*, с. 404.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Ворованный воздух» — определение Оспа Мандельштама, касающееся произведений написанных без разрешения, употребленное им в *Четвертой прозе*. См. А. Терц: *Литературный процесс в России...*, с. 169.

«перевертышем», «еретиком», а впоследствии диссидентом. Это была его истинная судьба, с которой он не смог бороться, только покориться ей, только одобрить этот элемент органического бунта в своей натуре и неугасимую страсть писательства. Итак, три суда над Синявским определили эту его знаковую биографию интеллигента: первый в 1966 году, второй — в 1976 после публикации книги *Прогулки с Пушкиным* и третий, который начался статьей Александра Солженицына ... *Колесом твой треножник* в 1984 г¹⁸. В такой перспективе видела эту судьбу его жена Мария Розанова.

Необходимо напомнить, что среди «общих ценностей» и признаков шестидесятничества выделяется существенный спор между писателями о «правде жизни», которую социалистический реализм ставил во главе своих принципов. Категория «правды» действительно сыграла фундаментальную роль, но шестидесятники воспринимали ее как протест против «лакировки действительности», «бесконфликтности», монументальности литературы¹⁹. Оценивая литературное прошлое России, Синявский констатировал в очерке *Литературный процесс в России*, написанном в 1974 году:

Это — застарелый грех девятнадцатого столетия, перешедший к нам по наследству от двух книг с вопросительными заглавиями: *Кто виноват?* и *Что делать?* Мы опять оказываемся перед кровавой дилеммой: с кем вы, мастера культуры? — за кого вы? — за правду или за казенную ложь?²⁰

Итак, можно выдвинуть тезис, что Синявский-Терц категорией «правды» занимался уже в пятидесятые годы, свидетельством чего является его очерк *Что такое социалистический реализм?* (1957). Трактат Терца, созданный уже после XX съезда партии, также входил в пространство идейного спора на тему «правды жизни», однако опять своеобразно. Сошлюсь еще на одну цитату из очерка *Литературный процесс в России*:

[...] нужно помнить, что сказал Сталин, когда какие-то храбрецы из Союза Писателей попросили его разъяснить раз и навсегда, что такое социалистический реализм и как достичь практически этих сияющих вершин. Не заду-

¹⁸ См. М. Розанова: *Третий суд над Абрамом Терцем*. В кн.: А. Терц: *Прогулки с Пушкиным*. С.-Петербург: Всемирное Слово 1993, с. 141. См. А. Солженицын: ... *Колесом твой треножник*. «Вестник Русского Христианского Движения» 1984, № 142, с. 133–152.

¹⁹ См. статьи Ильи Эренбурга *О работе писателя* (1953), Владимира Померанца *Об искренности в литературе* (1953), Ольги Бергольц *Против ликвидации лирики* (1954).

²⁰ А. Терц: *Литературный процесс в России...*, с. 192.

мываясь, не моргнув глазом, вождь ответил: — Пишите правду — это и будет социалистический реализм!²¹ .

Этот комический пример поясняет во многом эстетическую интенцию Терца дать в своей работе полный ответ на этот коренной вопрос эпохи. Трактат *Что такое социалистический реализм?* был в 1959 г. переведен на польский язык Юзефом Лободовским, опубликован во французском журнале «Esprit» в 1959 г.; на английский язык его перевели в 1960 г., а затем он издавался еще несколько раз и стал широко известен в эмигрантских кругах. Покушение на систему соцреализма было в то время неожиданным — для сторонников соцреалистического искусства это было святотатством, а для его противников — актом смелости. Писатель впервые поставил вопрос о «мертвящей нормативности», заключенной в термине социалистического реализма, «неработающего» понятия²².

Трактат Терца стал событием эпохальным, хотя в Советской России был высмеян, а его автор, естественно, оклеветан. Обнажая уязвимую суть метода, оторванного от действительности, которая его породила, на самом деле Терц оказался деконструктором соцреалистической литературы и в целом социализма, явственно обнаружив поражение коммунистической утопии. В противовес ответу Сталина «пишите правду», он предложил ответ, в котором уничтожил соцреализм. Свой проект деконструирования соцреалистических принципов во имя обновленного и свободного искусства он продемонстрировал в названной работе в аспекте личного тройного бунта: во-первых, бунта против диалектики и цели соцреалистического метода, критикуя философию Цели и Средства, во-вторых, против смерти героя литературы XIX века, в-третьих, против деформации классической традиции предков и против эклектизма. Пользуясь иронией и сатирическим тоном дискурса, подвергая критике и высмеивая соцреалистическую литературу как эклектическую и телеологическую, Терц определил ее как религию умершего бога — Сталина. При этом он не отождествлял ее ни с методом, ни со школой, ни с направлением, считая соцреализм явлением без стиля.

Терц — любитель модернистского искусства, в своем анализе феномена соцреализма во многом сближался с идеями сборника «Вехи» (1909) и основным его принципом понимания социализма как новой религии, а также был близок к нему в своей попытке расценить поведение русской интеллигенции по отношению к социализму и коммунистической системе. Фронтальная атака Терца на соцреализм вытекала из страсти

²¹ Там же, с. 193.

²² Г. Белая: «Да будет ведомо всем...», с. 9.

автора к искусству фантазмагорическому, гротескному, немиметическому, зато с присутствием фантазии, образцом которого являлось для Терца творчество Гофмана, Гойи, Достоевского, Шагала, а также Маяковского²³. Если задуматься над вопросом, кем является Терц в этом очерке, — марксистом, соцреалистом или все-таки защитником советского порядка и соцлитературы, от которых он требует «человеческого лица» (есть места в его тексте, где его идейная позиция неоднозначна), то, на мой взгляд, возможен тут такой ответ: Синявский-Терц в основном говорит как интеллигент 60-х годов, который борется за свободу искусства, провозглашает смерть старой литературы и ратует за искусство новое, ориентированное на лучшие образцы русской классики, при этом созвучные художественным тенденциям мировой литературы. Старые русские вопросы, касающиеся роли интеллигенции в жизни общества, ее участия в революции, а также такие проблемы как интеллигенция и народ, интеллигенция и стихия, интеллигенция и демократия — все это всегда живо занимало Синявского и нашло отражение в его книге *Основы советской цивилизации*, в статье *Люди и звери*²⁴ и др.

С тезисами трактата Терца *Что такое социалистический реализм?* резко спорил польский писатель Александр Ват в очерке *Czytajac Terca*, который послужил введением в изданные в эмиграции на польском языке произведения Терца *Фантастические повести*²⁵. Ват, например, не соглашался с оценкой феномена соцреализма Терцем, с тезисом об эклектизме этого явления, однако и он увидел в терцевском трактате голос «молодого поколения», своего рода соответствие движения польских бунтовщиков времени 60-х годов (*rewizjoniści, pryszczaci*)²⁶.

В феврале 1966 г. состоялся суд над Синявским и Даниэлем. По 70 статье Уголовного кодекса писателей обвиняли в антисоветской агитации и пропаганде, в анитсоветской литературной деятельности, в клевете на природу человека вообще. Новое в этом судебном процессе было то, что он был, по крайней мере, формально, первым политическим открытым судом при советской власти, получившим известность как в СССР, так и в мире. Против решения Верховного суда протестовали 62

²³ А. Терц: *Что такое социалистический реализм?* В кн.: А. Терц: *Путешествие на Черную речку...*, с. 168.

²⁴ А. Синявский: *Основы советской цивилизации*. Москва: Аграф 2001, с. 193–219, с. 391–454. Его же: *Люди и звери*. (По книге Г. Владимова «Верный Руслан»). *История караульной собаки*. В кн.: *Литературный процесс в России. Литературно-критические работы...*, с. 205–231.

²⁵ См. А. Терц: *Opowieści fantastyczne*. Przeł. J. Łobodowski i S. Bergholz (A. Wat). Paryż: Instytut Literacki 1961.

²⁶ А. Ват: *Czytajac Terca*. В кн.: А. Ват: *Świat na haku i pod kluczem. Eseje*. Oprac. K. Rutkowski, Warszawa: Czytelnik 1991, с. 79–148. См. с. 130.

русских литератора (в адрес XXIII съезда партии), выступали писатели Франции, Германии, Италии, США, Великобритании («Times», 31 января 1966), защитники свободного творчества, Международный ПЕН-клуб, Комитет европейских писателей. О суде над Синявским и Даниэлем говорилось даже среди эзков, как писал Анатолий Марченко в своей книге *Мои показания* — первом свидетельстве о послесталинских лагерях и тюрьмах:

В лагерях эзки много спорили об этом процессе и о самих писателях. Вначале, после первых статей, еще до суда, все единодушно решили, что это либо подонки и трусы, либо провокаторы. Ведь это неслыханное дело — открытый политический процесс, открытый суд по 70 статье. Мы тогда еще не знали, что уже весь мир говорит об их аресте, и только поэтому наши не могли о нем умолчать²⁷.

Неожиданным было и то, что подсудимые не признавали свою вину. При этом своеобразная атмосфера дискуссии, которую вызвал этот процесс, была, безусловно, выражением эпохи оттепели, борьбы за демократию, требованием гласности (слово возникло именно в те времена, употребил его и Варлам Шаламов, описывая процесс: «Для России этот врач — гласность»²⁸), информации о соблюдении законности²⁹.

Процесс «двух еретиков», «оборотней», «отщепенцев», «наследников Смердякова» (Зоя Кедрина, «Литературная газета» 1966, 22 января), как официальная пресса называла Синявского и Даниэля, был в этом плане событием невероятным. В статье *Перевертыши* Дмитрий Еремин («Известия» 1966, 13 января) — секретарь Московского отделения Союза писателей, осуждая писателей, утверждал:

Пройдет время, и о них уже никто не вспомнит. На свалке истлеют страницы, пропитанные желчью. Ведь история не раз потверждала: клевета [...] испаряется под горячим дыханием правды³⁰.

История, к счастью, пошла наперекор этому «предсказанию».

С одной стороны, посредством процесса вновь воскрес образ «врага народа», дух Инквизитора, как утверждал в своих эссе 60-х гг. польский писатель Густав Герлинг-Грудзинский, который, в частности, способствовал укреплению известности Терца на Западе посредством

²⁷ А. Марченко: *Мои показания*. В кн.: *Цена метафоры...*, с. 512.

²⁸ В. Шаламов: *Письмо старому другу*. В кн.: *Цена метафоры...*, с. 525.

²⁹ Ср. Г. Белая: «*Да будет ведомо всем...*», с. 12.

³⁰ Д. Еремин: *Перевертыши*. В кн.: *Цена метафоры...*, с. 27.

польского парижского журнала «Культура»³¹. С другой стороны, Герлинг-Грудзинский воспринял суд Синявского и Даниэля как переломное событие в истории Советского Союза, в котором благодаря процессу, борьбе моноидеологии и свободной мысли, зародилось новое общественное сознание и общественное движение, возникла явная оппозиция, так как «умер в России тоталитарный Великий Страх». Ибо в это время, подчеркивал польский писатель, подсудимым уже не угрожала смерть, а их близких окружали и утешали друзья. Благодаря статьям Герлинга-Грудзинского можно было узнать, что возникали в СССР тайные собрания, литературно-общественные журналы (возобновился «Колокол»), устраивались демонстрации московских студентов в защиту подсудимых у памятника Пушкина, а также молодежи, ожидавшей приговора перед зданием Верховного суда при 20-и градусном морозе. Как отмечал Герлинг-Грудзинский, результатом суда стало создание организации СМОГ³². Русская интеллигенция, по мнению польского писателя, после процесса подняла голову и встала с колен, тем самым начала борьбу за свободу мысли и совести, вольное творчество, соблюдение закона и отказ от тени сталинизма³³.

Шаламов в *Письме старому другу* вскоре после процесса писал о значении подвига двух писателей в духе высокого уважения, переключаясь в оценках и характеристиках с Герлингом-Грудзинским:

Синявский и Даниэль первыми принимают бой после чуть ли не пятидесятилетнего молчания. Их пример велик, их героизм бесспорен. Синявский и Даниэль нарушили омерзительную традицию «раскаяния» и «признаний». [...] В мужестве Синявского и Даниэля есть и капля нашей с тобой крови, наших страданий, нашей борьбы против унижений, лжи, против убийц и предателей всех мастей³⁴.

Родословная взглядов Синявского разнообразна, но значительная их часть идет, безусловно, от эпохи 60-х годов. Период шестидесятничества и история личного инакомыслия Терца закончились в СССР приговором писателя к семи годам заключения в лагере строгого режима, а затем эмиграцией во Францию в 1974 г. Однако дух этого времени — борьбы и широко понимаемого диссидентства, остался у писателя навсегда и позже получил выражение в его эмигрантских произведениях и эссеистике.

³¹ G. Herling-Grudziński: *Wyrok*. В кн.: G. Herling-Grudziński: *Upiory rewolucji*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej 1999, с. 64.

³² Там же, с. 65.

³³ G. Herling-Grudziński: *Po wyroku*. В кн.: *Upiory rewolucji...*, с. 69.

³⁴ В. Шаламов: *Письмо старому другу...*, с. 517, 519.

Anna Woźniak

SINIAWSKI-TERC. LOS I DZIEŁO, CZYLI RODOWÓD INTELIGENTA

Streszczenie

W artykule poruszona została kwestia przynależności rosyjskiego pisarza, literaturoznawcy, krytyka literackiego, eseisty i myśliciela Andrieja Siniawskiego — Abrama Terca do pokolenia tzw. szestidiesiatników. Jednocześnie zwrócono uwagę na pewne aspekty inteligenckiego rodowodu pisarza, jakie można by uznać za pewną wspólną drogę pokolenia twórców tych lat (przełom lat 50. i 60.). Podkreślone zostały także zasługi i rola Siniawskiego w procesie historycznoliterackim Rosji Sowieckiej za sprawą jego prac krytycznych, a zwłaszcza traktatu *Co to jest realizm socjalistyczny?*, dekonstruującego socrealizm. Wyróżniającym kryterium poglądów pisarza jest jego szeroko pojmowana kategoria dysydentyzmu — jako aktu sprzeciwu i twórczej nieskrępowanej energii, prowadzącej do sztuki czystej i wolnej.

Anna Woźniak

SINYAVSKY-TERTZ. FORTUNE AND WORK,
i.e. THE INTELLECTUAL'S GENEALOGY

Summary

The present article addresses the question if the Andrei Sinavsky — Abram Tertz, a Russian writer, literary critic, essayist, and thinker belonged to the group of so-called “shestidiesiatniki” (sixties’ generation). At the same time it is emphasized that some aspects of writer’s intellectual genealogy could be considered within a pattern, common for all authors of that period (the breakthrough of the fifties and sixties). Special attention is paid to the role Sinavsky played in describing the literary process of Russian and Soviet literature, particularly to his work, *What’s the Socialist Realism?*, in which he deconstructed socialist realism. One of the most distinctive categories that describe Sinavsky is the category of dissident attitude, understood as an act of objection and creative, untamed energy, essential in the process of creation of pure and free art.